

Читайте в серии «Король Теней»:

НЕВЕСТА КОРОЛЯ ТЕНЕЙ

Продолжение следует...

СИЛЬВИЯ МЕРСЕДЕС

НЕВЕСТА
КОРОЛЯ ТЕНЕЙ

Freedom

Москва
2024

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
М52

Sylvia Mercedes

BRIDE OF THE SHADOW KING

Copyright © 2022 by Sylvia Mercedes

Иллюстрация на обложке *Smorodina*

Художественное оформление *Екатерины Постновой*

Мерседес, Сильвия.

М52 Невеста Короля Теней / Сильвия Мерседес ; [перевод с английского Е. Кузьменко]. — Москва : Эксмо, 2024. — 480 с. — (Young Adult. Король Теней).

ISBN 978-5-04-199389-4

Принцесса-неудачница, скрытая от чужих глаз. Король-полукровка, вынужденный унаследовать трон. Брак, который мог бы спасти оба королевства... или разрушить их сердца.

Принцесса Фэрейн живет в монастыре, вдали от своего дома и близких, расплачиваясь за ошибку, что чуть не уничтожила ее народ. Дар богов, позволяющий чувствовать эмоции других людей, стал для Фэрейна проклятием, а потому девушка вынуждена уступить место на троне младшей сестре.

Когда привлекательный и загадочный Король Теней приезжает искать невесту, Фэрейн ничуть не удивляется тому, что его выбор падает на сестру. Хотя Король и не горит желанием жениться на обычной девушке, он готов сделать все необходимое ради своего народа. Фор должен привлечь людских магов, чтобы народ троллей не обратился в камень. Стоит только юноше встретиться с озорной принцессой Ильсевель, он тут же дает согласие на брак. Однако почему же Король, способный управлять тенями, никак не может выбросить из головы глаза Фэрейна?

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Кузьменко Е., перевод на русский язык, 2024
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»,
2024

ISBN 978-5-04-199389-4

ГЛАВА 1. ФЭРЕЙН

- **Е**сли бы тебе тогда удалось соблазнить наследного принца Корнейта, мы бы сейчас не оказались в такой ситуации.

Я закрываю глаза, пытаюсь унять пробегающую по спине дрожь. Слова брата подобны хлестким пощечинам. Они слетают с его губ так небрежно, будто он рассуждает о погоде или фасоне его туники. Однако горькие невысказанные эмоции, стоящие за этими словами, заставляют вздрагивать и жалеть, что у меня нет возможности каким-то образом зарыться в подушки моего сиденья и просто исчезнуть.

Я делаю глубокий вдох, прежде чем открыть глаза и посмотреть на сидящего напротив Теодра. Он выглядит крайне эффектно в отороченном мехом дорожном плаще и шляпе с пером, занимающей слишком много места в нашем маленьком экипаже. На его коленях покоится декоративный меч, рукоять которого украшена драгоценными камнями—под стать поясу. Шесть массивных колец, достаточно больших, чтобы налезть на его облаченные в бархатные перчатки пальцы, сверкают при каждом движении его рук. Сейчас он полирует одно из них, дуя на ограненный камень и вытирая его о рукав.

— Знаешь, война—это такой ужас,—говорит он так, будто подобная мысль никогда бы сама не пришла мне в голову.—Обычный мужчина больше не может следить за своим хозяйством, потому что он должен бросить все и идти воевать. Урожай портится, и тогда женщинам приходится выполнять всю грязную работу. И в каких же уродин они превращаются! Скелеты с ввалившимися глазами и костлявыми бедрами. От одного их вида просто выворачивает желудок. Вон они еле идут со своими плугами и косами, а за ними тащится орава их маленьких отродий в лохмотьях. Со всем никакого уважения к королю и стране.

Он поднимает на меня взгляд, его темные глаза сверкают в полумраке кареты.

— Союз с Корнейтом мог все исправить. Их кавалерия заставила бы наших врагов пуститься наутек! Но вместо этого чертовы феири ползают по всей сельской местности, устраивают набеги, сжигают посевы, крадут скот, и все это забавы ради. Поэтому люди с плачем приходят к воротам отца, голосят, причитая и демонстрируя своих голодающих детей, как будто он может что-то сделать, кроме как отправить еще больше народа на поле боя.

И это твоя вина.

Он этого не говорит. Ему и не надо. Я и без того чувствую обвинение, сквозящее в каждом его слове, жесте, взгляде. Я чувствую его так отчетливо, что почти начинаю в это верить.

Моя вина.

Сожженные посевы. Люди, потерявшие свой дом. Голодающие дети.

Моя вина.

Я должна была справиться лучше. Я должна была быть лучше. Когда принц Орсан Корнейтский начал за мной ухаживать, я должна была улыбаться, флиртовать и кокетничать. Мне не следовало тихо сидеть в сторонке, прятаться в самых темных углах помещения, стремясь найти место, где свет, шум, смех и колоссальное давление общества не прорвали бы всю мою защиту и не заставили бы меня задыхаться от боли. Я должна была задвинуть эту боль в самые дальние уголки своего сознания—в конце концов, она ведь существует лишь у меня в голове, не так ли?—и притвориться, что все в порядке. Притвориться той, кем я должна была быть, кем мне суждено было быть как старшей дочери короля Гаварии.

Но я не смогла.

И даже так принц Орсан готов был жениться на мне. Переговоры между его королевством и моим шли полным ходом, почти достигнув кульминации. Пусть даже я не была той невестой, о которой он всегда мечтал. Пусть даже каждый раз, когда он смотрел на меня, я не чувствовала ничего, кроме разочарования и покорности, плещущихся во взгляде его пронизательных карих глаз. Однако как наследный принц, он понимал всю ценность нашего союза. Он понимал насколько мудрым было решение объединить силы Корнейта и Гаварии против угрозы вторжения фейри. К тому же нельзя не учесть мое солидное приданое. Да, в свете этих соблазнов он был готов смириться с чем угодно. Кроме того, что я сделала, когда он попытался поцеловать меня в саду.

О боги! Я снова закрываю глаза, пытаюсь не вспоминать тот ужасный момент. Мы прогуливались при

лунном свете, со стороны являя собой идеальную картину влюбленной пары, если не обращать внимания на то, как тщательно я соблюдала дистанцию в добрых три фута между нами. Он был довольно красив в расшитой серебром тунике, его светлые волосы были зачесаны назад, а украшенный драгоценными камнями обруч обрамлял лоб. На мне было романтическое платье нежно-розового цвета с открытыми плечами, волосы украшал жемчуг. Вслед нам звучала музыка, исполняемая скрытыми за цветочной завесой музыкантами. Намереваясь сделать какое-нибудь замечание по поводу их игры, я повернулась к принцу. К моему величайшему удивлению, Орсан сделал два быстрых шага, схватил меня за плечи, до боли сжав пальцами оголенную кожу, и притянул к себе. Его губы впились в мои. Это было слишком внезапно. Все, что он тогда чувствовал, нахлынуло на меня волной разочарования, решимости, страха, гнева, смущения и ощущения неадекватности происходящего. Все и сразу. Эти чувства обрушились на меня в одном болезненном столкновении губ, зубов, языка. Мое тело отреагировало мгновенно. И меня вырвало. Прямо на его роскошную тунику.

Делегация Корнейта покинула дом моего отца на следующее же утро, переговоры были сорваны. Еще через день отец отправил меня в монастырь, посвященный Норнале. Он не сказал мне ни слова, даже о том, как глубоко я его разочаровала. Как будто он просто хотел полностью забыть о моем существовании.

С тех пор прошло почти два года. За это время я ни разу не получила из дома никаких вестей, ни единого

письма от моих сестер. Так что я была потрясена, когда три дня назад Теодр без предупреждения вошел в мою комнату, заняв весь дверной проем своей огромной шляпой с пером.

— Я пришел забрать тебя домой, Фэрейн,— заявил он без лишних предисловий.— Король Теней ищет невесту, и ты нужна нам немедленно.

Я все еще не до конца понимаю, почему отец послал брата за мной. Кем бы ни был этот зловеще титулованный Король Теней, у меня нет сомнений в том, что я не та невеста, которую он ищет. Однако моя младшая сестра Ильсевель, судя по всему, заявила, что не собирается вступать в брак по расчету. Она закатила грандиозный скандал и заперлась в восточной башне, швыряя посуду в голову всякого, кто пытался к ней приблизиться.

— Кажется, отец думает, что ты сможешь вразумить глупую девчонку,— сказал Теодр, с насмешкой разглядывая мою маленькую, скудно обставленную комнату.— Никто другой с этим не справится, да помогут нам боги. Но ты всегда находила общий язык с Илси. Заставь ее осознать свой долг перед короной. Докажи, что от тебя есть хоть какая-то польза.

Едва удержавшись, чтобы тяжело не вздохнуть, я отворачиваюсь к окну и, отодвинув занавеску, начинаю разглядывать сельские пейзажи. Мы спускаемся по горному перевалу. Мой взгляд охватывает мили бескрайних долин под сумеречным небом. Недалеко от нас я замечаю остатки деревни—разрушенные дома, из-под обвалившихся крыш которых все еще поднимается дым. Сгоревшие жилища, почерневшие стены. Разруха. Опустошение. И что стало с теми, кто

когда-то называл эту деревню своим домом? Они уже мертвы или их сейчас преследуют и убивают? Или же они бродят по сельской местности, бесприютные, беспомощные, без малейшей возможности укрыться от бушующих на земле ранних весенних ураганов?

Весь мир, кажется, источает отчаяние.

Отпустив занавеску, я откидываюсь на спинку сидения. Холод пробирает до костей, но, несмотря на это, я стягиваю перчатку с правой руки, пальцы пробираются под плащ, нащупывая на груди цепочку с хрустальным кулоном. Я сжимаю его так сильно, что острые края амулета до боли впиваются в ладонь. Сначала кулон кажется холодным и безжизненным. Однако вскоре он начинает медленно согреваться в моей руке. И мне удастся уловить слабую вибрацию глубоко внутри. Вновь закрыв глаза, я пытаюсь синхронизировать свое дыхание с этим ритмом. Боль отступает; меня больше не мутит. Глубокий вздох окончательно помогает прийти в себя. Чувствуя на себе пристальный взгляд Теодра, я открываю глаза и смотрю на него в ответ. Он приподнимает бровь.

— Не очень приятный вид, да?

Я качаю головой.

— Я и не осознавала, насколько все стало плохо, — когда я говорю, мой язык кажется распухшим и тяжелым.

— Тебя слишком долго прятали в этом монастыре, — фыркает Теодр.

Прятали. Не замужем и не рожаю детей. Не обеспечиваю страну военной поддержкой наших ближайших соседей. Бесполезная. Сплошное разочарование.

Это все здесь. Висит в воздухе между нами. Невысказанное, но реальное.

Я опускаю голову. Возможно, я несправедлива к Теодру. В конце концов, я не очень хорошо его знаю. Он на несколько лет старше меня и провел большую часть своего детства вдали от замка Белдрот, где выросли мы с сестрами. Я видела его на официальных мероприятиях и нескольких семейных встречах, не более того. Это путешествие из монастыря — самый большой промежуток времени, что мы провели в обществе друг друга. И я сомневаюсь, что кто-то из нас захочет вновь встретиться в будущем.

— Ну что ж, — вздыхает Теодр, крутя еще одно из своих колец, как будто оно его щиплет. — Если Илси сможет заполучить этого Короля Теней в женихи, все будет хорошо. Насколько я понимаю, в его распоряжении довольно внушительная армия, и он не питает любви к нашим врагам. Никогда не думал, что доживу до того дня, когда отец заключит сделку с троллями, но, эй! Отчаянные времена и все такое. Ильсевель совсем не в восторге от этой идеи, но отец говорит, что ты можешь использовать свой дар и образумить ее. Я надеюсь, тебе это и вправду удастся, ради всех нас! Хотя на самом деле мне даже жаль бедную Илси. Я имею в виду... Он же тролль.

На последнем слове он морщится, от него исходит волна отвращения. Я сжимаю свой амулет чуть крепче, дыша в такт его слабой пульсации. Мне, конечно, приходилось слышать разные истории о троллях: рассказы караванных торговцев, которые останавливались в монастыре в поисках убежища по пути через Эттрийские горы. Они описывали троллей как

отвратительных монстров с каменной кожей, достигающих не менее семи футов в высоту, с кулаками, похожими на валуны, и зубами из сверкающих драгоценных камней. Людоеды. Костоломы. Безумные звери без мозгов и совести.

Мне трудно представить, что у таких существ есть король. Еще труднее представить, как мой отец торгуется с этим королем за руку Ильсевель. Каким бы ни было его отношение ко мне, отец всегда любил мою сестру, с ее веселым нравом и вспыльчивым характером, безрассудством и отвагой. Из всех детей Ильсевель больше всего похожа на него, и я часто слышала, как он сожалел о том, что она не родилась мальчиком.

Насколько все стало плохо, что он решил выдать ее замуж за монстра?

Внезапно карета останавливается. Я едва не падаю со своего места. Теодр чертыхается и вскидывает обе руки в стороны, чтобы опереться о стенки и удержать равновесие.

— Что, во имя семи тайных имен, происходит? — он рычит, хватая свой меч и три раза резко ударяет рукоятью по потолку. — Эй! Фантар! Что за задержка?

Приглушенный крик. За ним что-то тихо ударяет по крыше кареты.

Мое сердце начинает бешено колотиться.

— Теодр?

Мой брат, не обращая на меня никакого внимания, лишь бормочет еще одно ругательство и отдергивает занавеску на окне, высовывая голову наружу.

— Фантар! Эй, парень, здесь чертовски холодно. Ты же не собираешься оставить нас ту... А-а!

Теодр сотрясается от шока. У меня хватает сил только на то, чтобы вытянуть руки, ухватиться за его украшенный драгоценностями пояс и затащить обратно в карету. По ту сторону окна вспыхивает огонь, лезвие меча рассекает то место, где мгновение назад была его шея

— Черт возьми! — выдыхает Теодр, откинувшись на спинку сиденья. Кровь отхлынула от его щек. — Там эти проклятые единороги!

От шока я теряю дар речи. Прямо за дверью кареты творится настоящий ад.

Люди кричат, лошади визжат от ужаса. Сквозь щель в занавеске я вижу вспышки красного пламени, мерцающие всполохи. Мою голову разрывает от ужаса. Не моего собственного, чужого, но пробивающегося в сознание подобно тарану. Я опускаюсь со своего сиденья на пол кареты, сильнее сжимая в руке хрустальный кулон. Мой брат смотрит на меня сверху вниз. Его страх хуже всего творящегося снаружи ужаса, он бьет по мне с намного более жестокой силой. Теодр моргает один раз. Затем, резко схватившись за свой декоративный меч, он бросается к двери с другой стороны кареты, распаивает ее и вываливается наружу. Его ужас уходит вместе с ним, и на мгновение меня переполняет облегчение.

Еще один крик раздается у меня в ушах. Теодр? Кто-то из наших людей? Я не могу сказать точно, а гадать бессмысленно. Что же мне делать теперь? Прятаться здесь, как попавшему в ловушку зверьку, смиренно ожидая, когда меня найдут и за волосы выволокут из кареты? Нет, это точно будет не лучше,

чем лицом к лицу столкнуться с тем, что ожидает меня снаружи.

Стиснув зубы, я пробираюсь к полуоткрытой двери кареты, слегка толкаю ее и понимаю, что это было ошибкой. Моему взору предстает полнейший хаос. Мимо проносятся всадники на существах, похожих на лошадей, но с чудовищными пылающими рогами, торчащими из их черепов. Это прекрасные, устрашающие и величественные творения природы, на которых восседают столь же необыкновенные создания. Длинные волосы развеваются, сияющие лица светятся кровожадной радостью, а в руках у них мечи, которые горят так же ярко, как рога их скакунов. Они не носят доспехов — на самом деле кажется, что на них вообще почти ничего нет, их мускулистые, богоподобные тела полностью выставлены напоказ, пока они окружают свою добычу и убивают ее.

Я замечаю серебряные шлемы кавалерии моего брата. Они доблестно сражаются, изо всех сил пытаясь защитить карету. Одного за другим их стаскивают с коней. Ужас, кровь и смерть овладевают мной. Я застываю на месте, парализованная.

И вновь мой дар оказывается проклятием.

Внезапно один из всадников поворачивается, его фиалковые глаза горят на лице такой душераздирающей красоты, что у меня перехватывает дыхание. Он замечает меня и улыбается, сверкая острыми клыками. Упираясь пятками в бока своего единорога, он подгоняет животное прямо ко мне. Весь мой мир сужается до пламени его глаз, смеха и острия поднятого меча.

Ведомая инстинктом выживания, я вываливаюсь из кареты и пытаюсь забраться под нее, почти не обращая внимания на боль от падения. Широкий подол платья мешает нормально двигаться, но мне удастся полностью спрятаться как раз перед тем, как раздвоенные копыта единорога останавливаются на уровне моих глаз.

В следующее мгновение на дорогу ступает пара босых ног. Мой преследователь опускается на четвереньки, поворачивает голову и улыбается, глядя прямо на меня.

— Привет, красавица,— говорит он на языке, который я слышу впервые, но каким-то образом понимаю.— Выйдешь поиграть?

Он просовывает руку под карету, пытаюсь ухватиться длинными ногтями за мое лицо. Его дикая похоть, подобно острейшему ножу, пронзает меня насквозь. Я отползаю назад. Лошади издают испуганное ржание— и карета кренится. Мне едва удастся увернуться от покотившегося колеса, которое в итоге прищемляет мое платье и плащ, приковывая меня к месту. Давясь криком, я расстегиваю плащ, а затем хватаюсь за юбки обеими руками и выдираю их из ловушки. Ткань с треском рвется, оголяя бедро. Я отшатываюсь от кареты, пытаюсь восстановить равновесие.

Мое внимание привлекает движение. Поднимаю взгляд и вновь вижу того же монстра, сидящего на крыше кареты и нависающего надо мной. Для сохранения равновесия он держит свой меч в стороне, но, когда замечает меня, высоко поднимает его над собой. Запрокинув голову, это существо издает горловой триумфальный вопль.

